

УДК 348.71

А.В. Миронов, доцент, канд. филос. наук*Севастопольский национальный технический университет**ул. Университетская, 33, г. Севастополь, Украина, 99053**E-mail: root@sevgtu.sebastopol.ua***ПРОТОПОП АВВАКУМ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИГУРА**

Рассматривается проблема раскола русской православной церкви середины XVII века и роль протопопа Аввакума, который, став защитником формальных устоев православия, противопоставил процессу сращения церкви и государства требование сохранения независимости и чистоты церкви, как защитника духовной и нравственной жизни народа, правды в политической жизни государства.

Вопрос соотношения церкви и государства включает широкий политический аспект, так как затрагивает большинство населения, независимо от религиозной принадлежности. Идентификация этноса с определенной церковной системой содержит исторические традиции, обычаи, моральные установки, ценностные тенденции. Право, экономика, искусство, нравственность формируются на протяжении веков положениями, выбранными как приоритетные в пределах конфессии, доминирующей на данной территории. В современном обществе, где церковь отделена от государства, они сохраняются как национальные ориентиры, не позволяющие потерять самобытность, уникальность, скрепляют индивида с себе подобными. Символизация уклада религиозной жизни воспринимается как единственно правильный способ, прошедший испытание временем. Тем самым, в обыденном сознании он отпечатывается как вечный. Любые попытки внести новое получают широкий резонанс, затрагивают сферу политики: партии, группировки, радикальные образования, властные структуры, представительные органы высказывают свое отношение к положению отдельно взятого гражданина, который, в свою очередь, должен дать ответы, в какой степени ущемлены его права, как относиться к новым предложениям. Чем более глубокие корни имеют основы, которые затрагивает реформирование, тем значительнее политический накал. Церковно-государственные отношения всегда были одним из центров согласия или разногласия среди граждан. Баланс этих сил определяет гармоничность, стабильность общественной жизни, степень распространения патриотических идей, силу единства в социальной системе.

Вмешательство государства в дела церкви, выразившееся в поддержке одного направления в конфликте с другим, ведет к напряжению в обществе, противостоянию групп верующих между собой, а также инициирует сопротивление власти, занявшей определенную позицию. Одобрение одних и притеснение других ведут к внутреннему церковному конфликту в плоскость политического и национального противостояния, охватывающего все слои населения. Нарушается сложившийся порядок; недоверие, враждебность, непримиримость становятся нормой общения. Государство переносит раскол на общество, принимая на себя функции исполнителя наказаний по отношению к противоположной группе, демонстрирующей свободолобие, несогласие с официальным решением. Дискриминация освобождает представителей такой группы от исполнения гражданских обязанностей, побуждает к сопротивлению, устанавливает непреодолимый барьер между властными уполномоченными, представляющими государство, и частью населения, не желающей подчиняться. Массовое сознание теряет свою однозначность. Правые и неправые, свои и чужие становятся ориентирами мировоззрения, деятельности и поступков. Эмоциональный накал уничтожает возможность компромисса, так как затронута самая сокровенная часть души. Материальные интересы, карьера, благополучие отступают на второй план своей ничтожностью по сравнению с Высшим. Верующий и гражданин в одном лице вынуждены выбирать: смирение перед властью или война с ней. Разрыв становится национальной трагедией.

Ситуация церковного раскола русской православной церкви в середине XVII века показательна с точки зрения перерастания религиозного процесса в гражданское столкновение. Последствия смуты (1607-1612) продолжали сказываться: внутренние конфликты, непрочность государственной власти, проблемность отношений монарха и боярского окружения, утраты исконных территорий. Внешняя изоляция не допускала проникновения технических и экономических новшеств, формировала острую ксенофобию, чувство исключительности. Церковная идеология, ориентированная на определение старца Филофея «Москва – третий Рим», закрепляла чистоту христианского начала, унаследование важнейших традиций, ложность западных конфессий. Сорокалетний период позволил достичь максимальной стабильности, прироста населения, освоить новые земли. Возвращалось уважение гражданина к государству, почитание его как защитника от внешних экспансий, хранителя древнерусской старины. Патриарх Никон, возглавивший русскую церковь, утвердивший свою власть в силу близости и доверия монарха, предпринимает шаги к реформированию вверенного ему социального института. Его главная идея – возвращение к истокам, возобновление связей с Константинопольским патриархатом,

демонстрация возрождения силы и мощи церкви, ее участия в делах государства не на равных со светской властью, а выступая в качестве управленца и контролера всего государственного механизма. Политическая подоплека подобных действий имела основания в присвоении ряда социальных функций власти: разбор челобитных (прошений), прием ходоков, ищущих правды, выполнение судопроизводства на монастырских землях. Но еще более важным фактором стало посредничество между царем и боярскими группировками, ведь столкновение религиозных придворных партий могло привести к новой смуте. Постепенно отстаивание интересов монархии сформировало ощущение незаменимости, превосходства и в мирских делах. Реформа мыслилась грандиозная: исправление богослужебных книг, смена школы иконописи, изменение ряда моментов ведения службы в храме (пение, направления движения священника, очередности положений), но особенно крестосложение, касающееся всего православного населения. «...перед Никоном обрисовывается главнейшая цель его церковного служения – это победа над светским, боярским, государственным мировоззрением, казавшимся Никону нечестивым и нецерковным. Во имя православного церковного и канонического преобладания Церкви над государством» [1, с. 188].

Пока власть ощущает выгоду от усиления церкви (наказание, духовное осуждение ослушников, примирение народных масс с властными представителями в конфликтных ситуациях, посредничество между противоборствующими партиями, укрепление репутации царя в общественном сознании, придание ореола величия всей государственной системе) она способствует реформированию всеми наличными средствами: армия, фискальный аппарат, усиление финансовой мощи и самое существенное – своим авторитетом. Любая попытка преобразований в рамках религии настороженно встречается паствой. На Руси были еще памятны самозванцы, иностранные наемники, боярские измены. Знаменем освобождения от чуждого влияния, экспансии служила верность национальной церкви. Суть разночтений, богословские доводы, ссылки на византийские каноны не затрагивают большинства, а внешние изменения уже привычного, устоявшегося уклада воспринимаются как значимые, попирающие права православных, посягательство на христианскую веру (народное сознание отождествляло эти положения). «Никон задел самый близкий сердцу всеупотребительный обряд перстосложения, к тому же огражденный особой клятвой Стоглавого собора» [1, с. 211]. Человек боится инородных влияний, прежде всего, национальных и религиозных (на тот период сливающихся воедино). Отступление от традиционности есть отступление от веры предков, ассоциировавшееся с концом света, приходом Антихриста в мир. На Руси переломные моменты инициировали эсхатологические настроения, поэтому забота о себе, о близких, имуществе, карьере утрачивают свою важность.

Власть земная отодвигалась от власти небесной. Первая вызывала подозрение своим светским характером: богатство, знатность, развлечения, политические цели, которые во многом не совпадали с общественными настроениями. Желание пострадать и, тем самым, явить подлинную Веру – одна из составляющих парадно понятого православия. Отсутствует рациональное начало, житейская логика, социальная целесообразность. Масса неспособна проникаться государственными выгодами. Столкновение становится неизбежным, так как все стороны конфликта (государство, официальная церковь во главе с Никоном и противники реформы) исчерпали все точки согласия и примирения. Протопоп Аввакум, объединивший вокруг себя несогласных (позже их назовут раскольниками) в своей автобиографической книге «Житие Аввакума» демонстрирует усиление религиозных разногласий в атмосфере обострения национального сознания. Воззвания, рассылаемые им, не содержат прямого призыва к сопротивлению, неповиновению власти. Он желает сохранить чистоту русского православия, заботится о душах верующих, пытается защитить царство от опасностей, которые ожидают на пути раскола. Отступление от старого, древнего канона, по его мнению, приведет к катастрофе, затрагивающей всю полноту социального бытия. Вопросы веры представлены как политические, так как соперники России иноверцы (турки–мусульмане, поляки–католики, шведы–протестанты). Их потенциальная победа может обернуться насаждением чуждой духовности. Единство государства и церкви – самая сильная защита граждан в неминуемых войнах. «Потщися, государь, исторгнути злое ево и пагубное учение, дондеже конечная пагуба на нас не прибудет, и огонь с небесе или мор уравнии и прочая нас не постигло» [2, с. 87].

Воззвания Аввакума не содержат прямого призыва к неповиновению, но реформа объявляется предательством абсолютных ценностей, за ним стоит гибель души, Страшный суд, вечное мучение. Дилемма: государство – истинная церковь трансформировалась в третий вариант – бегство из государства, где правит темная сила, с собой раскольники уносили представления о должном. Необходимые места Крайнего Севера, Сибири, Заволжья, предгорий Кавказа становились домом временным – все зависело от того, насколько государство способно добраться до них. Внутренняя эмиграция становится способом ненасильственного отстаивания религиозных прав. Образ власти связан со страданиями, притеснениями, разорением. Патриотизм выводится из-под государственной эгиды, так как отстаивание прежнего церковного уклада и есть защита Отечества, древней старины, самобытности. Данная позиция может пониматься двояко: или как косность, невежество, обскурантизм или

исторический опыт, формирующий представление об угрозе разрушения фундаментальных начал национального самосознания. «Староверы оказались слишком несговорчивы, слишком увлечены своей идеей церковного обновления и слишком независимы в своих суждениях, чтобы оказаться полезными для политиков московского двора» [3, с.217]. Политическая целесообразность утрачивает точки соприкосновения с духовным движением, переводит старообрядцев в категорию бунтарей и преступников, не желающих покориться власти.

Особенностью церковного раскола середины XVII века стала борьба с церковью, не изменившей своего названия (как было в Германии XVI века), не имевшей иностранных агентов влияния в лице чуждых государств, не требовавшей кардинально перестроить практику богослужения. Протопоп Аввакум усмотрел в действиях Никона угрозу национального порабощения, варварства по отношению к святыням. Резкие шаги государственной власти, ее равнодушие к бедствиям и преследованиям православных разделили веками сложившуюся слитность гражданина и прихожанина. Рассечение сообщества поставило вопрос о средствах защиты. Оскорбление национального чувства формирует внутреннюю оппозицию. «Старорусские обряды предавались осмеянию с неуместной запальчивостью и резкостью... Еретические иконы подвергались публичному поруганию, с досок соскабливали лики святых и в таком виде носили по городу» [4, с.394]. Аввакум ищет защиты у царя как гаранта православной веры. Народное сознание не может объяснить происходящего. Но тема теократии, вбирания в себя священной миссии государством, воспринималась как окончательно решенная. Тем сильнее было потрясения от происходящего.

Примат религиозного и нравственного начала обусловлен разделением Правды Земли и Правды Небесной. Максимализм требовал поступков, наполненных презрением к земному благополучию. Остаться нейтральным в подобной ситуации невозможно. Выражение согласия с государством расходится с совестью – кардинальным критерием оценки поведения. Гонения, выражавшиеся в различных формах притеснения старообрядцев, придали импульс возведению страдания в ранг адекватного ответа на действия власти. ореол мученичества формирует опасную тенденцию в государстве. Параллельно официально признанным героям, отображенным в указах, церковных прославлениях складывается латентный ряд значимых фигур, пострадавших от притеснения и пользующихся у народной массы уважением и почитанием. Они символически концентрируют недовольство, претензии, упреки, которые накопились в результате жестоких и продуманных действий официоза. Религиозный контекст становится подоплекой социального протеста, придает особую эмоциональную составляющую. Негодование перерастает в экзальтацию, теряются сдерживающие противовесы. Утрата имущества, оседлости, дальнейшей жизненной перспективы делает человека свободным. Он готов к разрыву с близкими, судьба семьи отступает на второй план. Таким образом, в кратчайший срок вполне законопослушный гражданин превращается в потенциального мученика, являя пример для подражания их духовной силе, жажде пострадать за истинную веру. Чем сильнее притеснения, тем шире масштаб противодействия. Обычные средства государственного насилия неэффективны, скорее, они выполняют роль желаемого. Ни физические наказания, ни ссылка в отдаленные районы, ни лишения имущества не способны запугать, заставить отказаться от своей позиции. «Тюменский поп Доментиан стал иноком под именем Даниил. К его келье, что было под Тобольском, пришли люди из многих городов и уездов, и, побуждаемые фанатиками, требовали «крещения огнем»... 1700 человек сгорели с Даниилом. Сам сие благословил» [5, с.80]. Религиозный фанатизм выходит за рамки социального мировоззрения. Сословность, материальное состояние, образованность не играют существенной роли. Государственные институты теряют авторитет, усилия найти компромисс бессмысленны. Духовная оппозиция приобретает черты политической по мере утверждения принципа деструктивности, направленного на все, что пытается выступить сдерживающим началом.

Социальное зло (окончательное закрепощение крестьянства по Соборному уложению 1649 г.) получает объяснение в среде старообрядцев отступлением от истинной веры. Теперь любые природные катаклизмы (эпидемии, засухи, неурожай и т.д.) и гражданские потрясения (войны, восстания, мятежи) будут истолковываться, исходя из факта государственной поддержки реформ Никона, то есть на стороне Антихриста в глазах раскольников. Россия оказалась на грани гражданской войны, где политические и религиозные мотивы столь тесно переплелись, что народное сознание стало относиться к данному феномену как единому целому. Примером тому стали Соловецкая осада, Стрелецкий бунт 1682 года, восстание Степана Разина, которые поддерживали наиболее радикально настроенные слои старообрядцев. Для многих борьба с государством стала тождественной борьбе за правую веру. Осуждение на казнь самого протопопа Аввакума не содержит обвинений в церковном расколе, а вынесено «за великие на царский дом хулы». Образ священикомученичества дополнился политическим контекстом и протопоп остался в народной памяти бунтарем, защитником «сырых и обездоленных», пострадавшим за правду, а для будущих поколений символом непримиримости. Легенды, сказания повествуют о независимости, неподкупности, стойкости главы старообрядцев.

Раскол церкви инициирует сектантское движение. Формализм, отсутствие должной нравственности, близость к власти настораживают, требуют новых форм. Движение бегунов ставило перед собой цель разорвать социальные связи, лишить человека мирской привязанности, сформировать круг посвященных. Разлад между евангельскими истинами и тиранией государства и церкви, им поддерживаемой, становится причиной следующего умозаключения, перераставшего в житейское утверждение: если Божественное начало находится в мире невидимом, не телесном, а церковь служит миру материальному, то значит она подпала под власть Сатаны, отреклась от заветов И. Христа и его апостолов. Единственным выходом из создавшейся ситуации виделось радикальное переустройство религиозной жизни, фундаментом которой должны стать личная нравственность, беспорочность, сверхответственность перед Богом и своим «я». Со временем старообрядцы введут жестокие ограничения на употребление алкоголя, табака, строгое выполнение постов и сокращение коммуникативных связей с представителями официальной церкви до минимума, оставаясь анклавом, закрытым в своем Отечестве, не допуская непосвященных в свой круг. Непримируемость к отступникам следовала за установкой на непримируемость к собственным слабостям. Таким образом, многочисленная группа граждан выпала из активной социальной плоскости. «Смело можно сказать, что половина Великой Руси отпала тогда от церкви и стояла враждебно к мирской власти, защищавшей церковь земным оружием» [6, с. 834].

Потери государства в результате раскола можно отметить в трех аспектах. Во-первых, в географическом. С одной стороны, уход части крестьян со своих обжитых земель приводит к запустению, деградации почв. Нарушается традиционная деятельность для определенных районов. С другой стороны, шел процесс освоения новых удаленных территорий. Часть раскольников покинула пределы Московского царства (казаки-некрасовцы поселились в Турции и стали объектом пристального внимания для эмиссаров иностранных государств и враждебных России организаций в периоды кризисов и переломных моментов европейской политики). Во-вторых, в финансовом аспекте: падение сбора налогов в казну, отказ от выполнения общественных повинностей, в лице старообрядческой части населения государство лишилось трудолюбивого и честного отряда работников. В-третьих, в духовном аспекте преодолеть раскол в последующем оказалось невозможным. Часть граждан считала государство враждебным, опасным и минимизировало отношения с ним. Сиюминутная выгода, прагматизм власти обернулся противостоянием внутри прежде единого этноса, нарушило его главную скрепляющую - монолитность православной церкви.

Церковно-государственные отношения – особая сфера политического пространства. Недалековидность, отсутствие гибкости, отрицание исторического опыта, непрофессионализм могут привести к разрушению сложившегося порядка, сбалансированных связей между верующими и государством. Любая попытка принять определенную позицию в церковном конфликте ведет к нарастанию напряженности между различными группами населения, вбирая, прежде всего, национальную компоненту, создавая атмосферу дискриминации части граждан. Переустройство церковной структуры – процесс длительный, постепенный, содержащий скрытые проблемы. Насилие концентрирует недовольство, которое обращается, прежде всего, против властных структур, нарушающих право на свободу совести. Политическая составляющая деятельности протопопа Аввакума сложилась не как сознательный социальный протест, а как ответ на грубые и жестокие действия государства.

Библиографический список

1. Карташев А.В. История русской церкви / А.В. Карташев. — Москва: Эксмо-пресс, 2000. — 815 с.
2. Житие Аввакума и другие сочинения // Житие Аввакума и другие сочинения. — Москва: Советская Россия, 1991. — 366 с.
3. Лобачев С.В. Патриарх Никон / С.В. Лобачев. — СПб: Искусство, 2003. — 413 с.
4. Скрынников Р.Г. Крест и корона. Церковь и государство на Руси IX-XVII вв. / Р.Г. Скрынников. — СПб: Искусство, 2000. — 460 с.
5. Гарин И.И. Аввакум / И.И. Гарин. — Харьков: Фолио, 1994. — 157 с.
6. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей / Н.И. Костомаров. — Москва: Эксмо, 2005. — Кн. 1. — 846 с.

Поступила в редакцию 7.03.2008 г.